

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 808.1
doi: 10.17223/19986645/91/8

Типы социокультурного ландшафта Сибири в зеркале путевой прозы XIX в.

Ирина Александровна Айзикова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, wand2004@mail.ru*

Аннотация. Систематизация сибирских культурных ландшафтов необходима не только для упорядочения множества природно-культурных комплексов региона, но и в связи с проблемами выявления их индивидуальности и сохранения уникальных природно-культурных местностей. В статье рассматривается, как культурные ландшафты Сибири, понимаемые как территориальная система, состоящая из природных и антропогенных компонентов и комплексов, развивающихся во взаимосвязи, представлены в сибирской литературе XIX в. В качестве основного приёма систематизации применяется типология.

Ключевые слова: культурный ландшафт, литература, Сибирь, уникальность, тип, типология, природный, антропогенный

Благодарности: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Айзикова И.А. Типы социокультурного ландшафта Сибири в зеркале путевой прозы XIX в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 91. С. 145–175. doi: 10.17223/19986645/91/8

Original article
doi: 10.17223/19986645/91/8

Types of the socio-cultural landscape of Siberia in the mirror of the 19th-century travel prose

Irina A. Ayzikova¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, wand2004@mail.ru*

Abstract. The article aims to study regional (Siberian) landscapes in the socio-cultural aspect as products of the relationship between physical reality, social practices and reflections as mirrored in the travel prose of the 19th century. By socio-cultural landscape I mean a territorial system consisting of natural and anthropogenic components and complexes developing in interconnection. The main objective of the article is

to adapt the concept of *landscape* that arose in geography to the tasks of its humanitarian research as an element of the physical world involved in the system of spiritual culture, as well as the systematization of cultural and linguistic landscapes of Siberia by typologization. This is necessary to streamline the many natural and cultural complexes of the region and in connection with the problems of identifying their individuality and preserving unique natural and cultural areas. The methodological basis for describing the types and types of socio-cultural landscapes of Siberia is Lohn Lippel's model, which assumes four levels of analysis: "physical substrate", "regulatory systems", "interactions and actions", "symbolic coding and perception". In addition, the focus is on two more characteristics of the cross-border Siberian landscape – multi-layering (a combination of vertical and horizontal communications, the coexistence of state ties between the region and the metropolis, and naturally formed interethnic contacts of the population) and discreteness (the focal placement of the population, the presence of areas with different types of interaction, and the degree of identity preservation). Due to the large volume of the material, the problem posed is solved only based on texts related to travel secular prose, which largely determines the development of Siberian literature and literature of central Russia in the 19th century and is the most indicative of the topic of interest to me. The analysis showed that, as a rule, images of Siberian socio-cultural landscapes (naturally formed, purposefully formed, and associative) were created in the literature by describing natural objects or the natural environment as a whole, history, socio-cultural practices of the population, regulation of intercultural interaction, as well as the author's "symbolic coding" of the narrative. Most often, they are complex combinations of several types of kinds of landscape, the totality of which determines their individuality. Each type and kind I identified, taking into account the transborder nature of the socio-cultural landscape of Siberia as a whole, forms its own grids of markers, so that landscapes are identified from different positions and appear, on the one hand, distinctive, isolated, and, on the other, as a territorial system consisting of different interconnected types and kinds of landscape, and ensuring the stability and viability of the Siberian region. In addition, the considered material makes it possible to build a typology of Siberian socio-cultural landscapes on other grounds; therefore, it is possible to build other typologies, identify other types of landscape and markers that I have not named.

Keywords: cultural landscape, literature, Siberia, uniqueness, type, typology, natural, anthropogenic

Acknowledgements: The results of the study were obtained under the state assignment of the Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Ayzikova, I.A. (2024) Types of the socio-cultural landscape of Siberia in the mirror of the 19th-century travel prose. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 91. pp. 145–175. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/91/8

Введение

Выдающийся российский историк А.В. Ремнёв одним из первых поставил вопрос о соотношении географических, административных и ментальных границ Сибири, посвятив этому целый ряд глубоких исследований (см., напр.: [1–3]). Обновление теоретического фундамента данной проблематики ученый связывал с отходом от концепции жестких административно-

государственных границ и с обращением к теме регионального ландшафта, который предлагал рассматривать в социоисторическом аспекте (подробнее об этом см. [4]). В отличие от своих зарубежных предшественников в качестве основного материала А.В. Ремнёв использовал не только документальные, но и публицистические, художественные тексты как источники «личного происхождения», устанавливая «диалогичность властного и общественного дискурсов о Сибири» [5. С. 29].

Целью данной статьи является системный анализ культурно-языковых ландшафтов Сибири, отраженных в путевой прозе XIX в., с помощью приема типологии¹. Сверхзадачей статьи является адаптация возникшего в географии понятия *ландшафт* к задачам его гуманитарного исследования как элемента физического мира, вовлеченного в систему духовной культуры, «дематериализовывающегося» в образы. Это необходимо не только для упорядочения множества природно-культурных комплексов региона, но и для выявления их индивидуальности и сохранения уникальных природно-культурных местностей.

Методы и материал исследования

Методологической основой исследования, выполняемого в рамках коллективного междисциплинарного проекта «Социокоммуникативное пространство трансграничья: факторы формирования культурного и языкового ландшафта Сибири», является выдвинутое экономистом Д. Лэппле понятие «социальное пространство», в его трактовке, создающееся и осмысляющееся человеком в ходе специфических социокультурных процессов. Лэппле была предложена и модель анализа основных компонентов социальных пространств, которая позднее была адаптирована швейцарским историком Ф.Б. Шенком к социоисторическим исследованиям. Эта модель предполагает четыре уровня описания типов и видов социокультурных ландшафтов: «физический субстрат», «системы регулирования», «интеракции и действия», «символическое кодирование и восприятие», что позволяет нам проследить логику складывания социокультурного ландшафта сибирского трансграничья (об этом см.: [27]). Кроме того, фокус внимания сосредоточен на двух ранее выявленных характеристиках трансграничного сибирского ландшафта – многослойности (сочетание вертикальных и горизонтальных коммуникаций, сосуществование государственных связей региона

¹ Под социокультурным ландшафтом мы понимаем территориальную систему, состоящую из природных и антропогенных компонентов и комплексов, развивающихся во взаимосвязи, это продукт взаимоотношений физической реальности, социальных практик и рефлексий, отраженных в текстах. Проблемы культурного ландшафта рассматриваются в науке уже не одно десятилетие целым рядом ученых. Обзор их работ может стать самостоятельным предметом изучения. Наиболее важные для нашего исследования см. в списке источников к данной статье [6–22]. В последнее время интерес ученых обрратился и в сторону сибирских социокультурных ландшафтов, чаще всего городских (см., например: [23–26] и др.).

с Центральной Россией и естественным образом сложившиеся межэтнические и межконфессиональные контакты населения, в том числе, с соседними регионами) и дискретности (очаговым размещении населения и, соответственно, наличие ареалов с разными типами взаимодействия и степенью сохранения идентичности) (см. об этом: [28. С. 17]).

Обращаясь к нашей проблеме, оговоримся, что в силу большого объема материала она будет решаться только на текстах, относящихся к путевой прозе (светской)¹, во многом определяющей развитие сибирской литературы и литературы Центральной России XIX в. и наиболее показательной в отношении интересующей нас проблематики, точно обозначенной Ю.М. Лотманом, который писал, что именно при взаимодействии человека с географическим пространством «обнажается важный принцип культурного мышления человека: реальное пространство становится иконическим образом семиосферы – языком, на котором выражаются разнообразные внепространственные значения, а семиосфера, в свою очередь, преобразует реальный пространственный мир, окружающий человека, по своему образу и подобию» [31. С. 320].

Отбор материала осуществлялся по аннотированному указателю «Русский травелог XVIII – начала XX веков» [32], который представляет собой обширную базу данных о русских травелогах этого периода. Травелог в данном издании понимается «как вид литературы, объединяющий различные жанры (служебный отчет, статейные списки дипломатов, дорожный журнал, научный отчет об экспедициях, путевой дневник, путевые записки, эпистолярный, мемуары, очерк и пр.)» [32. С. 4], что близко нашему пониманию путевой прозы.

В построении типологии социокультурных ландшафтов Сибири мы опираемся на типологию, принятую в «Руководстве по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия» [33. Гл. II. А, п. 47], в котором выделяются три основных типа культурных ландшафтов: естественно сформировавшиеся, целенаправленно сформированные и ассоциативные. Однако применительно к сибирскому социокультурному пространству трансграничья такая классификация нуждается в существенной конкретизации.

Обсуждение результатов. Естественно сформированные ландшафты, изображенные в литературе, наиболее точно характеризуются на уровне физического субстрата, хотя актуальны и остальные три выше названных уровня. На основе привлеченного к анализу материала в рамках естественно сформированных сибирских ландшафтов можно выделить степной, таежный, горный, тундровый и водный. П.Н. Краснов в путевых очерках «По Азии» (1903) так, например, описывает первые три из них: «Степи, березовые перелески, и так три дня и две ночи, начиная от Урала. <...> Поселков не

¹ Путевая проза сибирского православного духовенства, как и религиозные ландшафты Сибири, рукотворные и ассоциативные, представленные в ней, остаются за рамками нашей статьи. Эта проза подробно и глубоко рассмотрена в докторской диссертации С.В. Мельниковой «Путевая проза сибирского православного духовенства XIX – начала XX в. как явление региональной словесности» [29], а также в ее монографии [30] и корпусе научных статей.

видно, расстояния громадны. <...> Пустыня. Не придумаешь иного наименования для бесконечного простора широкой степи. Летом здесь... все прячется по домам, надевает сетки на лица и на руки, бросает работу» из-за «знаменитого сибирского гнуса. <...> Зимой... Зимой, когда вдруг закурит и задымит на всем две тысячи-верстном пространстве Бараба, когда все заблестит и завертится от мериад снежинок и сольется в общую серую мглу, когда в безграничном просторе гуляет ветер, приобретая страшный размах, небывалую удаль, когда ревет и мечет вся степь, словно океан, как назвать тогда эту землю, в которую робко дерзает входить человек, то кочующий, как корабль в океан, то осевший маленькими островами, на хуторах и станицах, по заимкам и поселкам, какое слово более подойдет к этому ледящему шумному размаху нескованной, невоспитанной природы? Стихия?!! Двенадцать часов езды за Омск такую же стихийною желтою степью и начинается тайга» [34. С. 17].

Тайга описывается через те же концепты, что и степь: *стихия, безграничность, пустынность*, с той лишь разницей, что место образов березовых перелесков, сухой травы в описании таежного ландшафта занимают непроходимые *лес, болото, высокая трава*. Тайга представлена также пространством, почти не тронутым человеком, «громадным, девственным», красивым и таинственным. Вместе с тем в его описание настойчиво вводится мотив уничтожения тайги человеком; наиболее частотными образами оказываются пожар, возникающий по вине людей, «громадные обгорелые стволы берез и сосен», «обзоленная земля», «черные пни погибших великанов» [34. С. 18]¹.

Сибирь – «горная страна» описана Красновым в рамках той же семантики: красота, таинственность («над ними что-то блестит и переливается серебристым блеском перламутра», сами горы – «синие», «снежные»), к чему добавляется неожиданная характеристика: сибирские горы – «не русские», «азиатские», они, «как кулисы, выступают слева и справа», отделяя сибирское, «азиатское», пространство от европейского [34. С. 19].

Ландшафт сибирской тундры, представленный К.Д. Носиловым в его дневнике путешествия по полуострову Ямал, отчасти напоминает степной пейзаж Краснова: «...карандаш топографа (под которым имеется в виду сама природа. – И.А.), видимо, свободно гулял по этим местам, то означая *бесконечное болото*, то *неизвестную* ему *глушь*, рисует воображению одну *безотрадную северную пустыню*, известную под именем тундры. Положим, воображение не откажется оживить эту часть карты картиной бродячих стад оленей с их разноплеменными обладателями: самоедами, тунгусами, чукчами, которых усидчивый географ, к досаде своей, ещё не может усадить на место, но всё же карта кажется *пустой* и поражает своей *безжизненностью и величиной*» (курсив наш. – И.А.) ([35. С. 244]².

¹ См. также «Сибирские негативы» А.В. Адрианова, «Заметки на пути из Петербурга в Барнаул» П.И. Небольсина и др.

² Тундровый ландшафт находим в сочинениях В.Г. Богораз-Тана с характерным заглавием «В пустыне: (Из моих скитаний)» (1909), И.М. Воропая, Н.П. Григоровского, Ю.И. Кушелевского и др.

Одним из самых востребованных в литературе является водный ландшафт, который можно назвать вмещенным во все выше названные, ландшафтообразующим для них. Так, М.Н. Галкин-Враской в своей «Поездке в Сибирь и на остров Сахалин в 1881–1882 гг.: (Из путевого дневника)» описывает Обь как «реку-море», организующую жизнь всего и всех, обитающих на ее берегах и близ них, не допускающую никаких «преград своему разливу» [36. С. 3]. В «Очерках Туруханского края» Н.А. Кострова [37] ландшафт строится вокруг образа Енисея, опасного и зимой и летом, вызывающего своим безмолвием и грозностью уныние даже у местных жителей. Портреты ачинского и минусинского ландшафтов, созданные И. Скороговорным, как и у Кострова, формируются образом реки – Чулыма, с его россыпями наносного золота, «медными берегами», «разными окаменелостями, костями допотопных животных и оружием древних первобытных народов» [38. С. 4]. Ангара и Байкал, «по-здешнему море и даже святое, из уважения к его огромности и вспыльчивому характеру» [39. С. 66], представлены стержнем иркутского ландшафта Н.С. Щукиным в его «Очерках Сибири»¹. Описывая возникавшие на пути от Иркутска до Виллюйска ландшафты, иркутский врач Крузе также выделяет как их центральные образы рек: Лены и впадающих в нее Илги, Витима и Олёкмы [41]. Н.А. Бакшевич подробно описывает реку Иркут, пронзающую насквозь хребет Большой Саян [42]. Примеры можно продолжать.

Маркерами в описании естественно сформированных ландшафтов являются рельеф местности, климат, животный и растительный мир. При этом интенция большинства авторов, дающих описание природных ландшафтов Сибири всех видов, проявляется в выборе характеристик по названным маркерам: «громadne расстояния», «бесконечный простор», «безграничный простор», «страшный размах» ветра, «шумный размах нескованной, невоспитанной природы», мороз, стихия, грозность, безмолвие, таинственность, неизвестность, красота, святость. Кроме того, в семантике продвижения повествователей по сибирскому пространству всегда задействовано понятие *границы*. Общий посыл сводится к тому, что горы и реки, леса, степные и тундровые «пустыни» описываются в рассматриваемой путевой прозе как естественные границы природных ландшафтов, взаимодействующие друг с другом и свободно нарушающие границы, устанавливаемые и неоднократно переносимые государством для удобства управления огромной территорией. Саморегулируемые, они соединяют и разъединяют не административно выделенные территории, а разные, семантически насыщенные миры: тайги, гор, степи, тундры. Кроме того, естественные границы этих миров, сменяя друг друга, образуют зоны плавного перехода степи в тайгу, тайги в горную местность, горной местности снова в тайгу, тайги в тундру (близкую по описанию к степной пустыне).

¹ Байкалу как сердцу природного иркутского ландшафта посвящает свою статью Н.В. Ушаров: На Байкале: (Из путевых записок по Восточной Сибири) [40].

Приведем для примера фрагмент из «Путевых заметок по Алтаю» М.А. Басова, где он описывает свое продвижение от Барнаула в Бийск вверх по реке Каменке (это, как указывает автор, 174 версты). Одной из первых на пути встает деревня Красный яр, где путники «в первый раз увидали на горизонте очертания Алтайских гор. Вся эта местность покрыта толстым слоем наноса; она почти ровная, гладкая, обнажения нигде не встречаются, и только у д. Сетовки... (22 версты от д. Красный яр) видны у самой реки Каменки, на правом берегу выходы гранита-сиенита, который и продолжается далее в виде отдельных пологих холмов. Не доезжая д. Нижней Каменки (в 20 верстах от д. Сетовка) эти гранитовые толщи мало-помалу скрываются» и вновь появляются уже покрытыми «сначала крупно-зернистым песком, происшедшим от разрушения гранита, а затем толстым слоем чернозема. Приближаясь к селу Алтайскому (в 29 верстах от д. Сетовка), долина реки Каменка делается красивее и разнообразнее. Растительность здесь роскошная, цветов множество. Горы у села имеют значительную высоту и покрыты пихтовым лесом. <...> По мере приближения к реке Сарассе, правому притоку реки Каменки... горы сходятся всё более и более. <...> По мере приближения к деревне Черге, в 50 верстах от деревни Алтайское» тайга отходит перед «наступающими горами» [43. С. 8–9].

Таким образом, воображаемая в литературе география отражает естественно сформированное трансграничье природного сибирского ландшафта, сложно организованного, многослойного и дискретного. Важнейший акцент в изображении естественно сформировавшихся ландшафтов практически у всех авторов связан с проблемой «человек и природа». Неслучайно природные объекты, в их обобщенном смысле и конкретные, становятся метафорами, культурными кодами таких важнейших для человека понятий, как беспредельность и бескрайность, целостность и вместе с тем иерархичность устройства бытия, движение, жизнь. С другой стороны, сами природные объекты описываются тоже метафорически: тайга «не воспитанна» и «девственна», Алтай – «колыбель человеческого рода», Енисей грозен и безмолвен, Лена с ее многочисленными притоками напоминает кроветворную систему организма, у Байкала «вспыльчивый характер», он пугает человека своей глубиной и т.д.

Интерпретация сибирского пространства, в целом и отдельных территорий региона, в путевой прозе XIX в., как правило, амбивалентна. Оно представляется и естественно сформированным, и антропогенным, рукотворным, эволюционирующим под влиянием человека или целенаправленно им сформированным, т.е. социокультурным. Во все виды естественно сформированных ландшафтов, выделенных выше, вложены рукотворные. При этом на уровне интеракций и действий, системы регулирования взаимодействий, конечно, выделяются *менее* и *более* культурно освоенные, преобразованные ландшафты, несущие свою семантику. К первым относятся периферийные, окраинные: степи и тундра. Ядро сибирского социокультурного ландшафта составляют таежные и горные ландшафты с вмещенными в них водными. Последние образуют «горизонтальную целостность» сибирского региона,

при всей его дискретности и многослойности, горы – вертикальную, онтологическую, что обеспечивает его устойчивость и жизнеспособность.

Рукотворные сибирские ландшафты в литературе можно поделить на изначально *вмещенные* высшим Топографом (так называет некую надличную созидательную силу в своем путевом дневнике К.Д. Носилов) и вмещаемые государственными институтами в естественно сформированные. Как изначально вмещенные авторами рассматриваются инородческие социокультурные ландшафты, вмещаемыми изображаются ландшафты, которые условно можно назвать российскими.

Важнейшим маркером ландшафтов первого вида выступает наименьшее преобразование естественно сформированного пространства при наибольшей их жизнеспособности. На этих территориях веками сохраняются и природный ландшафт, и традиционные социокультурные практики жителей, их уклад жизни, язык, духовная культура, верования, способы самоорганизации сообщества людей, система его заселения. Инородческие ландшафты одновременно рассматриваются в литературе как наиболее уязвимые: авторы акцентируют такие угрозы, как неизлечимые болезни, высокая смертность, малочисленность и неграмотность населения.

По сравнению с инородческими, российские ландшафты в этом отношении менее уязвимы и более жизнеспособны. Маркером является нацеленность их населения на улучшение условий своей жизни на сибирской земле, готовность ее преобразовывать, адаптировать под свои потребности, в отличие от инородцев, которые сами адаптируются под окружающую среду. Вместе с тем амбивалентность авторской позиции и здесь дает о себе знать: российские ландшафты вмещаются в чужое, мало или совсем неизвестное пространство, транслируемое в общественное сознание, в том числе и литературой, метафорами с широкой семантической амплитудой: «земля обетованная» – «ад». Причем ими оперирует сознание и тех, кто внедряет массы российских граждан в Сибирь путем переселения, и тех, кого туда «вмещают». Переселенческое движение, как известно, оборачивалось и для государства и для переселенцев большими потерями экономического, социального, нравственного, духовного характера (нам приходилось об этом писать, см.: [44]).

По деятельности населения, а также на уровне физического субстрата рукотворные ландшафты традиционно делятся на несколько видов, являющих собой определенную знаковую систему. Литература представляет такие характерные для Сибири виды, как сельские, городские, промысловые и промышленные социокультурные ландшафты, образы которых весьма специфичны по сравнению с общероссийскими. Кроме того, в литературе о Сибири выделяются практически отсутствующие в Центральной России переселенческий и ссыльно-каторжный ландшафты.

Обращаясь к изображению сельских ландшафтов, остановимся прежде всего на инородческих ландшафтах. По видам деятельности: земледелие и скотоводство – их следует отнести к сельским. Однако остальные маркеры,

которыми, как правило, отмечаются сельские ландшафты: уклад жизни, жилища, еда, обычаи, обряды, праздники, песни и танцы, не позволяют отнести их к сельским.

Селения инородцев описываются и сибиряками, и авторами из Центральной России в общей эстетике оппозиции «свое» – «чужое». Стойбища кочующих по степи или по тундре инородцев описаны как временные поселения, а их урасы, юрты, айлы – как временные жилища. Приведем описание урасы из «Поездки к тунгусам» И. Абрамова и Эд. Пекарского: они строятся из «лиственничных жердей и покрываются берестой, а иногда холстом или ровдугой, т.е. выделанной оленьей кожей. Вид они имеют конусообразный. Внутри от дверей к стене протянуты над очагом шесты, на которых висят котлы и чайники. Очаг отгорожен от остальной части юрты бревешками <...>. Дым выходит через отверстие сверху... Ружья, сумочки и прочее... прикрепляется к жердочкам» [45. С. 130]. Авторы подчеркивают непрочность жилища и размытость его границ между внешним и внутренним миром: вместо печи в ней открытый огонь, она конусообразная, открыта в пространство неба, в урасе отсутствуют привычные для русских углы дома, в том числе и «красный угол», в ней нет мебели («сидят на всяком хламе») и т.д. Как правило, такая селитба, не похожие на русскую одежда («женщины ходят в длинных рубахах из ситца... поверх рубахи одевают „хомусол“, нечто вроде камзола. Обувь состоит из ровдужных или камысных (камыс – шкурка с ноги оленя) торбасов»), еда («в урасах нас угощали полусырыми лепешками из крупчатой муки, кирпичным чаем с сахаром и оленьим молоком» [45. С. 130]), обычаи, обряды, песни, танцы¹ и т.д. транслируются русскими авторами как отсутствие культуры, а не ее уникальность. Якуты, буряты, тувинцы и другие инородцы представляются чуть ли не дикарями, не знающими культуры и цивилизации.

На такой же оппозиции описываются П.С. Алексеевым степные селения Барабы: «По окраинам... Барабинской степи селения не растянуты в длину, как обыкновенно на тракту; строения в них стоят кучками, иногда даже не улицей, а как попало, вразброс. Утлые лачуги обвалены навозом. Огромные стога сена стоят около жилищ и высятся над ними. Часто видны дерновые крыши на жильях и деревянные трубы» [46. С. 605]. М.Н. Галкин-Враской в «Поездке в Сибирь...» представляет жилища остяков, живущих по берегам

¹ Приведем описание Абрамовым и Пекарским национальной пляски тунгусов: «Подходя к месту своей остановки, мы услышали издали какие-то отрывистые восклицания „Хо-хо! Хо-хо!“». Оказалось что тунгусы, большею частью молодежь, устроили свою национальную пляску вокруг костра. Мужчины и женщины впережку, взявшись за руки, составили замкнутое кольцо и мерно двигались в одном направлении, ритмически поднимая и опуская руки и сопровождая эту своеобразную пляску громкими и однообразными восклицаниями. Уставшие выходят из круга, присаживаются отдохнуть, потом снова стремительно начинают кружиться с бешеной энергией. Заслышав издали веселые крики пляски, тунгусы бросают всё и в свою очередь бегут принять в ней участие. До глубокой ночи продолжался безыскусственный тунгусский танец... Потрескивавший костер бросал трепетный свет на двигавшиеся и кривлявшиеся фигуры» [45. С. 130].

Оби: летом они живут в шалашах, сооруженных из бересты, которая снимается с толстых берез, проваривается и сшивается. Добываемая рыба сушится на тут же развешанных веревках, которые «подобно паутине, оплетают» [36. С. 8] занятое место. На зиму остяки перебираются вглубь тайги и живут вдоль рек – притоков Оби в землянках.

Разбросанные далеко друг от друга таежные сёла жителей-старожил, потомков первых завоевателей Сибири, не хуже инородцев приспособившихся к окружающей их среде – глухой тайге, представлены сибирским этнографом, последователем областнической идеологии А.В. Адриановым не менее специфическими. В них живут традиционными для сельского ландшафта земледелием и скотоводством, а также добычей орехов, лесного меда, пушнины и рыбы. Время здесь как будто остановилось: оторванные от большого мира, они продолжают вести натуральное хозяйство, не знают грамоты, живут без книг и газет, им не интересны новости о происходящем в мире, в их семьях царит архаический уклад. По мнению повествователя, подобные картины вряд ли можно назвать идиллическими, поскольку «простая, бесхитростная» жизнь, «ограниченная узкой рамкой хозяйственных, домашних интересов» [47. № 17–18. С. 59], только кажется «крепкой», спокойной и счастливой. В нее неумолимо входит другая жизнь, требующая от крестьян умения ориентироваться в том, что происходит «за пределами их околицы». Это – товарно-денежные отношения, подати, коммуникация с соседними селами, к чему жители таёжных сил абсолютно не готовы. Бедой таких сел и их жителей, по мнению Адрианова, являлась поголовная безграмотность. Оторванные от всего «белого света», они не знали, «какой этот свет, на трех или четырех китах он стоит» [47. № 17–18. С. 60], даже зажиточные крестьяне, по описанию автора, жили убогой материальной и духовной жизнью.

Еще более уязвимой читателям представлялась селитьба сибирских крестьян на заимках, в однодворных поселениях, поставленных на земле, занятой по «праву» первого владения, т.е. незаконно. Такое было возможно только в таежной глуши. На заимках жили земледелием, охотой, рыболовством и все тем же натуральным хозяйством, в полной оторванности от современной жизни и развития.

В процитированной выше статье «“Сибирские негативы“ (Из дорожных впечатлений)» А.В. Адрианов дает целую галерею портретов еще одного вида сельских ландшафтов – сибирских сел, близлежащих к городу, встречавшихся ему во время поездки по реке Томи из Томска в Кузнецкий уезд в 1908 г. В представлении автора это «не деревни, но и не отдаленная окраина города» [47. № 17–18. С. 54], это столкновение двух разных миров, городского и сельского. В результате размывания (переосмысления) их границ меняются ориентиры, внутренние ценности и того и другого. В частности, жители таких сел становятся «поставщиками» городов, исконно сельские виды деятельности, как «наименее доходные, отходят на второй план», а вместе с этим деревня теряет свой «уют», привычный, гармоничный, це-

лостный облик, что отражается в замеченных автором «беспорядочности хозяйства и построек, в невыдержанности деревенского костюма, в бойкой, с оттенком наглости, речи, в излишней переоценке труда, в неутолимой жажде наживы, не останавливающейся перед обманом». В сёлах бурно развивается торговля, проводятся постоянные ярмарки. Села застраиваются «большими крестовыми домами, с разными вычурами снаружи и мещанской обстановкой внутри <...> днем и ночью толпятся по улице люди, раздаются звуки гармонии, ругань <...>. Скоро, пожалуй, мужику здесь некогда будет возиться с пашней» [47. № 19–20. С. 64]¹. Сёла горного Кузнецкого уезда также оказываются на пересечении двух границ: в сельский уклад жизни прочно входят необычные для него «подсобные промыслы»: добыча извести, каменного угля, которая из кустарного производства превращается в промышленное. В кузнецкие деревни в связи с этим прибывают «массы горнорабочих, стянутых с Камы и Волги», «жизнь тихого угла» нарушается, в деревни приходят «воровство, грабежи, сугубое пьянство и разгул» [47. № 17–18. С. 60].

Любопытно описание села Покровское на Якутском тракте, представленное П.С. Алексеевым в путевом журнале «По сибирским рекам». В этом ландшафте стерты границы между миром русских и иноверцев: кроме «двух-трех домиков, построенных на русский лад», в ней стояло 10–15 юрт, которые тоже «на российский лад» были «обмазаны глиной и коровьим навозом», крыши юрт при этом были земляные. «Окна в юртах еле заметны, двери обиты скотскою шкурою; вместо дверей и окон часто просто дыры в стенах. В некоторые окна вставлена слюда, она вшита в бересту. На зиму в эти окна вставляют льдины» [48].

Большинство сибирских городов возводилось по берегам рек и линиям сухопутных связей – трактов. Кроме местоположения, маркерами городских ландшафтов в литературе являются история создания и развития, градостроительная культура, типы застройки, взаимодействие городского ландшафта с природным, степень урбанизации, уклад жизни, виды деятельности горожан².

Целый ряд сибирских городов, больших и малых, представляет читателям П.С. Алексеев в «Воспоминаниях о проезде зимою из Москвы в Читу», позиция автора-повествователя – пассажир, наблюдающий картину из вагонного окна. Описания города, как правило, предваряются в «Воспоминаниях о проезде...» изображением природного ландшафта: «Природа крайне

¹ О не свойственных сельскому ландшафту больших, украшенных вычурною резьбою домах, двухэтажных надворных постройках, собственных кузницах и мельницах в селах Усть-Кут, Марковское, Рудых на Якутском тракте, о проводимых в них постоянных ярмарках пишет П.С. Алексеев в путевом журнале «По сибирским рекам» [48].

² Нам приходилось ранее писать о сибирских городских ландшафтах, представленных в публикациях Н.А. Кострова [49]. В данной статье обращаемся к более широкому материалу и вводим городской социокультурный ландшафт в типологию сибирских ландшафтов.

бедна между Тагилем и Тюменью; плоская равнина, местами поросшая убогим кустарником <...> из окна вагона виднеются все тот же снег, всё те же берёзки и ёлки, всё в том же числе и в той же форме» [46. С. 602–603]. Тюмень, в общественном сознании «ворота Сибири», в воспоминаниях Алексеева подобна природному ландшафту, она производит на повествователя впечатление «жалкого города», в котором заканчивается железнодорожный путь и начинается водный, что символически прочитывается как остановка развития, движения вперед. Это подчеркивается и такой деталью: прислушавшись к шуму колес, повествователь на подъезде к Тюмени не слышит «движения поезда», в этой пустынной местности ему чудится, что поезд стоит на месте.

Иную картину дает офицер В.А. Суровикин, останавливавшийся в Тюмени на некоторое время. Повествователь его «Путевых впечатлений» представляет ее развивающимся городом, отмечая наличие в нем множества банков, «страховых и торговых агентств и контор» [50. С. 18]. Таким образом подчеркивается занятость горожан в торговле, сфере услуг. Повествователь считает необходимым указать на наличие в городе реального училища, женской гимназии, городского сада. Показательным оказывается и описание градостроительной культуры, строящееся не только на столкновении «старого» и «нового», но и на идее недостаточности собственно культуры: архитектуру города определяют *каменные и деревянные* дома, возведенные «*в разных и даже смешанных стилях*» и к тому же *вычурно украшенные*. Главные улицы города вымощены *камнем* и снабжены *деревянными* тротуарами.

Часть малых городов Тобольской губернии, близлежащих к Тюмени, повествователь «Воспоминаний о проезде...» запомнил потому, что не увидел в них городов. Так, проехав Ялуторовск «среди белого дня», путники «только по выезде из него, в степи, от ямщика узнали, что были в городе; таков уж городок Ялуторовск, что в нем самом его не заметишь» [46. С. 609–610]. Построенные еще в XVII–XVIII вв. как форпосты, «крошечные городки» Каинск, Ачинск и Мариинск так и не стали, в восприятии повествователя, городами, они практически остановились в развитии и запомнились отнюдь не признаками городского социокультурного ландшафта, а как места, «под которыми шалют»: грабят проезжих и торговые обозы, а Каинск, кроме этого, и тем, что в нем впервые путники увидели тянувшуюся по улице партию арестантов.

Единственной достопримечательностью Томска в «Воспоминаниях о проезде...» называется университет, в остальном его урбанизация и степень культурного освоения территории берутся повествователем под большое сомнение: гостиница «Европейская» не может обеспечить гостей ни едой, ни услугами, ни постельным бельем; в городе нет ни «памятников древности, ни современных, чем-либо замечательных учреждений», город построен «без плана; он рос и растет как попало», «строения неровны», «центра города нет», «университет стоит вдали, как бы на окраине, рядом с госпиталем и тюремным замком» [46. С. 609–610].

Образ Канска, с численностью населения, выросшей в течение XIX в. от тысячи до семи с половиной тысяч человек¹, передан повествователем «Воспоминаний о проезде...» маркером, также далеким от характеристик городского ландшафта, – мотивом «жестокоего мороза», от которого невозможно было спастись даже в помещениях: при окнах, днем и ночью закрытых наглухо ставнями, при раскаленной печи, потрескивавшей от сильной топки, в домах было не более десяти градусов тепла, в помещениях на окнах нарастали иней и лед прямо на глазах у присутствующих, лопались бревна, из которых были построены городские жилища.

На этом фоне Иркутск представлен Алексеевым именно городом, причем не похожим ни на один сибирский, он назван повествователем европейским по целому ряду признаков. Красота Иркутска продуманно подчеркнута красотой его местоположения: он расположен на высоком яру, с трех сторон окружен красавицей Ангарой, его вид издалека прекрасен из любой точки. Под покровом снега город представляется повествователю чистым, на его улицах нет тесноты, шума и «толкотни», в нем много учебных заведений, целый ряд домов, принадлежащих главным образом золотопромышленникам, приближается по постройке и убранству к столичным строениям. Однако они теряются среди «обывательских домов заурядной, шаблонной архитектуры», в городе нет «аристократического квартала», книжной лавки и ежедневной газеты, увядает «широко проектированная грандиозная гостиница „Московское подворье“», торгующие повсюду китайцы придают городу, скорее, не городской, а «китайский колорит» [48. С. 237].

Повествовательница «Записок и замечаний о Сибири» Е.А. Авдеева также подчеркивает и «прелестное» местоположение Иркутска, и европейские черты города и его населения. Воспринимая ландшафт Иркутска женским взглядом, она замечает, что мужчины почти все «бреют бороды и стригут волосы, не носят русских кафтанов», молодые женщины «одеваются точно так же, как в столице» [51. С. 9, 10]; что человек с достатком может купить в Иркутске то, что продают в Москве и Петербурге: абрикосы и апельсины, варенье, обсахаренные плоды, вина, «даже шампанское и ром в Иркутске не редкость», в Иркутске «два гостиных двора, наполненных разными товарами» [51. С. 17, 19]. Город выступает в «Записках...» Авдеевой крупнейшим торговым центром Сибири, через который идут все товары. Повествовательница подчеркивает и то, как быстро развивается город, сохраняя при этом местные ремесла, культурные традиции, семейные обычаи и т.д. Социальный состав города описан ею многоликим и по статусу, и по достатку, видам деятельности, национальности и т.д.

Второй столицей Сибири представлен в путевой прозе XIX в. Тобольск. Как и Иркутск, его видно издалека: «...на горе виднеется большое здание присутственных мест, правее собор, а еще дальше сад Ермака с белеющим

¹ Численность населения, выступающая маркером города в Центральной России, в малонаселенной Сибири таковым не является.

памятником ему» [50. С. 22]. Автор процитированного текста, В.А. Суровикин, выделяет, как видим, три важнейших маркера, культурных кода Тобольска: присутственное место, собор и сад Ермака. Принятые во внимание вместе, они дают «успокоительные надежды» душе повествователя и рожают мысли о том, что, «быть может <...> в силу исторически сложившихся условий и влияния природы и климата», здесь «люди лучше и чище, чем там, далеко за Уралом» [50. С. 23].

Амбивалентность описания тобольского ландшафта, отражающая его пограничное положение – между городским и сельским, подчеркивается Суровикиным еще больше, чем Алексеевым и Авдеевой в их описаниях Иркутска. Повествователь «Путевых впечатлений» сразу поделил тобольский ландшафт на две семантически противостоящие друг другу части, «из коих одна расположена по низменной болотистой долине реки Иртыша <...> а другая на возвышенной равнине, гордо поднявшейся над этой низменной частью» [50. С. 24–25]. При «подъеме на гору... над обрывом высятся здание Архиерейского двора и Никольской церкви... сад Ермака и здание Тобольского музея... площадь, застроенная разными казенными зданиями», в том числе здание присутственных мест, бывший дворец наместника Чичерина и «венеч всех зданий, величественный пятиглавый кафедральный собор». По обеим сторонам улиц нижней, болотистой части города расположены канавы, наполненные стоячей водой, в них плавают гуси и утки, в грязи «мирно почивают свиньи» [50. С. 25, 27]. Большинство построек здесь деревянные, как и мостовые, которые постоянно гниют. Здесь же, в нижней части, расположены костел, кирха и синагога.

Символика деталей, общей композиции рассказа о городе прозрачна и не нуждается в комментариях. Остается отметить еще несколько, аргументирующих амбивалентность тобольского ландшафта: общественная жизнь проявляется в Тобольске, по замечанию повествователя, «вяло, сонно и незаметно», в церквях, как и в театре, расположенном в здании Общества народной трезвости, малоллюдно. Кроме того, по замечанию повествователя, на жизнь города сильное влияние оказывают люди, прибывающие туда из Центральной России. С одной стороны, это ссыльные «разных сортов» (в верхней части города расположены «2-я каторжная тюрьма, Тюремный замок и сиропитательный дом»), с другой – молодые представители столичной интеллигенции и чиновничества, которые вносят в жизнь тобольского населения «новые понятия», разрушающие представление о городе как пространстве беззакония и произвола.

Наконец, обратим внимание на описание в литературе инородческих городов. Так, П.С. Алексеев в «Воспоминаниях о проезде...» представляет образ Верхнеудинска. Азиатский тип местности и природы (резкие контуры горизонта, остроконечные горы, солончаковые озера) соответствует «правильному», по мнению повествователя, расположению Верхнеудинска. Его кирпичные здания «правильно» перемежаются деревянными и оживляют общий вид города. Но главная примета Верхнеудинска – это его «разнопле-

менное» население: по улицам разъезжают на двуколках, запряженных волами, буряты в цветных и долгополых шубах и меховых шапках, подвязанных под подбородком, расхаживают китайцы, у которых не такая желтая окраска кожи, в их косы вплетены чужие волосы и шелк, в отличие от бурят, которые этого не делают, ламы и вовсе бреют голову и кос не носят. Здесь же можно встретить и «семейских» (раскольников), их женщины величавы и кажутся русскими боярынями. На этих же принципах Е.А. Авдеева описывает Кяхту, наиболее подробно останавливаясь на портретах китайских купцов [51. С. 82–91].

Специального внимания требует к себе рассмотрение сибирских промысловых и промышленных ландшафтов. И тот и другой вынесены за черту и сельского и городского ландшафта и представлены мотивами добычи природных ресурсов с целью получения дохода¹. Маркерами их изображения в литературе являются описания ресурсного потенциала ландшафта, организации промысла или процесса добычи, их инструментов, реализации добытого, ее доходности, взаимодействия с социоприродной средой.

Например, А.В. Адрианов описывает сбор орехов в глухой тайге. Кедровые леса, основа данного промыслового ландшафта, представлены исконным Божьим даром и одновременно большим и неисчерпаемым источником «поддержки хозяйства» и «доходности» [47. № 17–18. С. 56]. В кедраче работают крестьяне из сел, расположенных по реке Томи, они берегут его, не позволяют рубить. «Время промысла строго определяется по постановлению сельского общества», по истечении трех дней промысла «всем предоставляется» время для «вольной добычи ореха [47. № 17–18. С. 58]. Читателям сообщается, что промысловики работают артелями по четыре человека, у каждой своя часть кедровника, из расчета один пай на душу, определяемый количеством собранных артелью орехов. В состав артели входит «лазун», две женщины-сборщицы и один подвозчик с конем и телегой. Из «инструментов» добычи, кроме коня и телеги, используется еще кустарно изготовленный деревянный молот. Главным в артели является лазун, который с риском для жизни «лазит на кедр и сбивает шишки» молотом; женщины собирают падающие от удара молота по дереву шишки и «сносят в кучу около кедра, а подвозчик складывает их в телегу и свозит в одно определен-

¹Мелким ручным производством предметов быта, одежды, украшений и т.д. из меха, кожи, дерева, кости, бересты и проч. занимались и сельские жители, и горожане (кузнецы, жестянщики, сапожники, плотники и т.п.). В городах такое производство позволяло открывать небольшие фабрики: кожевенные, салотопенные, мыловаренные, кирпичедельные, свечные, пивоваренные и т.п. В литературе всё это предстает не в описаниях промышленных ландшафтов, встроенных в городские; как правило, в текстах просто перечисляются имеющиеся в городе фабрики. Так же и промысловые ландшафты, внедренные в городские и сельские, представлены перечнем распространенных в городе или селе промыслов и ремесел, а также описанием изготовленных ремесленниками предметов. Отдельным промыслом был извоз, изображаемый в литературе вне городского и сельского ландшафта, с использованием мотива дороги.

ное место» [47. № 17–18. С. 57]. Столь же примитивным оказывается и процесс обмолачивания шишек – это происходит тоже ручным способом, с использованием вальков или усовершенствованным, по сравнению с ними, самими крестьянами инструментом: «машинкой», изготовленной из дерева и железного прута.

Немудреным представляется и процесс реализации орехов: «...крестьяне, как только виды на урожай ореха выяснятся, стараются запродать будущий сбор местному торгашу», который «пользуется случаем и скупает орех с большой уценкой» [47. № 17–18. С. 56], рассчитываясь с промысловиками отчасти деньгами, отчасти водкой. Отношение крестьян к добытому тяжелым трудом ореху: «не хлеб», его «Бог дал», «урожай с неба свалился» – приводит к тому, что все вырученные деньги, с учетом «уценки» торгаша, мгновенно пропиваются в казенных лавках.

Если промысловые ландшафты изображаются органично вмещенными в естественно сформированные даже при наличии тематики дохода, социально-экономического регулирования взаимодействий, то промышленные, связанные с добычей полезных ископаемых, представляются агрессивно вмещаемыми в природные. Так, Адрианов описывает, как добыча крестьянами, близ деревни Кемеровой, для сельских кузниц вышедшего на поверхность каменного угля (самыми примитивными способами) превратилась в промышленное производство с разведкой месторождений, с переводом в Кемеровую управления и рабочих с Кольчугинских копий, с новыми путями транспортировки угля. Конец кустарной добычи угля в деревне, его промышленное производство, сопровождаемое еще и разработкой неподалеку золотодобычи, тоже в промышленных масштабах, представляется повествователем началом не только разрушения привычного уклада жизни Кемеровой, но «разложения» деревни, «совершенно не подготовленной к отпору» [47. № 17–18. С. 60].

Описание сибирских промышленных заводских ландшафтов часто строится на теме каторги и тюрьмы. Так, М.Н. Галкин-Враской представляет казенный Усольский солеваренный завод, построенный на Ангаре и находившийся во время путешествия автора в аренде иркутского купца И.И. Базанова. Усольские варницы были сданы ему с торгов «с обязательством употребления каторжных на работы по добыванию соли». На заводе работали каторжные «разряда исправляющихся», доставлявшиеся туда из Александровской каторжной тюрьмы, перестроенной, кстати, из казенного винокуренного завода. При тюрьме на момент ее описания имелся еще один завод – кирпичный, на котором тоже работали арестанты. Арестанты, называемые рабочими, трудились и на солеваренном заводе, вместе с каторжными и вольными рабочими. Для надзора за всеми работающими на завод были командированы пять казаков. Арестанты и вольные рабочие жили в одном селе, находившемся рядом с варницами, в съёмных или своих домах, вместе со своими семьями. Все они носили одинаковую рабочую одежду, выполняли одинаковую тяжелую физическую работу: перевозили соль, заготавливали дрова, сплавляли их. Как видим, в промышленном ландшафте, как и в рас-

смотренных выше, тоже размыты границы – на сей раз между заводом и тюрьмой, вольными рабочими, арестантами и каторжными. Такими же маркерами и семантикой образов отличаются описания ландшафтов Петровского, Александровского, Шилкинского и других заводов, которые находим в сочинениях А.А. Мордвинова, Р.К. Маака, С.П. Алисова, декабристов М.А. Бестужева, Н.В. Басаргина, жены декабриста И.А. Анненкова – П.Е. Анненковой и др.

Отдельным видом сибирского промышленного ландшафта в литературе являются заброшенные заводы, несущие семантику трудности освоения края, его индустриализации и ответственности тех, кто пытается приручить тайгу, реки и горы. Показательна публикация «По Сибири: (От Братска до Иркутска Ангараю)» в «Сибирском сборнике» за 1901 г., в которой дается ландшафт остановившегося Николаевского чугунолитейного и железодельного завода С. Мамонтова: «Завод служил рынком для сбыта хлеба, дров, рыбы, мяса и т. п. продуктов, а также давал им побочный заработок в виде доставки руды, угля, песку...», бездействие завода, «благодаря банкротству Мамонтова», лишило крестьян этого заработка», и чтобы платить подати и мирские повинности, им «приходится продавать последнюю скотину» [52. С. 119]. «Заводом жили» целые волости, Братская и Мамырская, заводская работа «отбила многих от земледелия, заставила почти забросить его. И теперь пришла пора платить за грехи Мамонтова... Это лишний раз показывает, что спекулятивное насаждение промышленности в таежной глуши дает результаты, совершенно не предусмотренные теориями, и часто равносильно простой мене кукушки на ястреба» [52. С. 120].

Отдельным видом сибирского промышленного ландшафта в литературе предстают приисковые ландшафты. Рассмотрим описание ландшафта Вознесенского прииска частных золотых промыслов Олекминского округа Якутской области в статье «Олекминская Калифорния: (Из путешествия на Олекминские прииски)», подписанной Г-в Н. и опубликованной в «Литературном сборнике» Н.М. Ядринцева в 1885 г. Как и другие рукотворные ландшафты, он тоже вписан в естественно сформированный природный ландшафт – горно-таежный с вмещенным в него водным.

Выйдя с парохода, на палубе которого повествователь любовался прекрасными пейзажами, он узнает от сопровождающего, что дальнейший путь к прииску может быть совершен только через подъем на гору верхом на лошади «по... тропе, проложенной, где пришлось, где представлялась малейшая возможность движению лошади, с постоянными переправами через горные речонки... сильно бушевавшие». Между тем повествователь поражен красотой окружающего соснового бора, чистым воздухом, величием «бесконечной вершины» Яблонового хребта: «Вид грандиозный... сердце бьется сильно, сильно; стоишь как будто на самой высшей точке, как будто царишь над всем окружающим» [53. С. 284, 285].

Однако спуск с горы, у подножия которой и расположен прииск, отмечен другими деталями: опасность, духота, жажда («вокруг ни капли воды, одни лишь каменистые горы»), гнус, мучающий и людей и лошадей, незаметная смена горной тропы «обветшалой гатью, брошенной по болоту». Здесь

легко прочитывается как бы перевернутый путь Данте, спускающегося, как известно, сначала к адскому дну, а потом поднимающегося по горе к Чистилищу и райским высотам. Повествователь «Олекминской Калифорнии» сначала поднимается в гору, в прекрасную высоту, чтобы спуститься в адское дно, где первыми, кого он увидел, были беглые с прииска, не выдержавшие тягот приисковой жизни (бежали они, впрочем, на другой, точно такой же, как покинутый, прииск, так как больше бежать было некуда, и потому беглых даже никто не ловил). Первыми объектами материального мира, встреченными путешественником под горой, были заброшенные «промытые» прииски «с чернеющими остатками полуразвалившихся построек».

Мотивы замкнутого пространства дна, из которого нет дороги назад, разрушения становятся основными маркерами в описании приискового ландшафта, который строится на контрасте с природным, предваряющим описание прииска. На приеме контраста строится все дальнейшее повествование: территория прииска очень богата золотом, в том числе и рассыпным, новые раскопки открывают все новое и новое золото. Дело его владельцев братьев Трапезниковых известно по всей России как «обставленное в материальном отношении» лучше всех других приисков. Вознесенский дал рабочие места в таёжно-горной сибирской глуши большому по тем временам количеству людей. Только в разрезе, где разрабатывают пески, до семисот рабочих разных национальностей, от русских и тунгусов до черкесов и белорусов. Но их трудовой процесс изображается как вечное наказание сменой шума и тишины. В разрезе слышатся «крики рабочих, громко отдаваемые приказания служащих, шум воды, грохот быстро вертящегося барабана, стук колес и копыт о помост машины» [53. С. 291] – все эти звуки, издаваемые человеком, машинами, животными, водой, описываются как «общий гул», многоголосый и несмолкаемый. Съемка золота, производимая в присутствии станкового пристава в тишине, останавливает и рабочих, и барабаны, и лошадиное ржание. Далее следует еще некоторое время тишины – наступает процесс «насыщения тощих, голодных желудков», после которого – резкий удар колокола, заводящий механизмы машин, таратаек, рабочих, которые сами называют свой труд «вольной каторгой».

Приисковый и ссыльно-каторжный ландшафты пересекаются в описании не только условий труда (многие каторжные работали именно на приисках), но и жилища, еды, одежды, досуга и отдыха. Жилые помещения на приисках и каторге отличаются своим временным характером, не обладая «необходимыми качествами каждого дома: теплом и сухостью», чем, кстати, они отличаются от временных урас, юрт и т.д. беднейшего населения Сибири – инородцев. Казармы рабочих напоминают повествователю грязные и старые конюшни, их еда называется им «незатейливой бурдой», и это в богатейшем на свете месте, где ежедневно намывается «около пуда» золота. Так в приисковый ландшафт входит еще один маркер – социальноэкономические взаимоотношения рабочих и хозяев прииска, живущих в городах «магнатами».

Кроме того, заброшенный в самую глушь, закрытый по типу пространства приисковый ландшафт маркируется повествователем страстями, целями и интересами пребывающих в нем: и ежедневный, монотонный, тяжелый физический труд, и внутренняя жизнь этих людей подчинены добыче золота. Но к вырученным за него деньгам, считаемым «чуть ли не рычагом, способным перевернуть весь мир», приисковые относятся крайне «легко», по собственной воле отдавая им власть над собой, а те подчиняют себе и рабочих, и их хозяев, погружая их в промежутках, не занятых изнурительной работой, в «пьянство, карты и разврат» [53. С. 296]¹.

Как видим, приисковый ландшафт тоже маркируется образом границы, в отношении к нему речь идет о границе между жизнью и смертью, во многом связанной с границей свободы и несвободы человека, что наряду с выше уже отмеченными маркерами сближает данный ландшафт с ссыльно-каторжным и переселенческим ландшафтами. Поскольку о последних нам уже приходилось писать подробно (см.: [55, 44]), обобщим их типологические характеристики.

Неся на себе общие черты многослойности и дискретности сибирского трансграничья, общие акценты в изображении их физического субстрата, интеракций и действий, системы регулирования, применяемой в них государственными институтами, они, с одной стороны, противопоставляются авторами по типу пространства (закрытое и открытое), а с другой – сближаются по вектору движения в них человека. Оно осуществляется, как в аду, по кругу и вольными, и «невольными переселенцами» (так называли ссыльных и каторжан). Как уже было отмечено выше, адское дно напоминает собой и приисковый ландшафт. В этом смысле границы между названными тремя видами ландшафта размыты. Пространство в них, вмещенных в безграничный, беспредельный естественно сформированный ландшафт Сибири, сужается. В огромной Сибири вольные переселенцы, как и приисковые рабочие, не могут найти себе места для счастливой жизни, за которой они отправлялись в Сибирь, невольные закованы в кандалы. Обитатели данных ландшафтов живут в тесных казармах, бараках, находятся под надзором. Здесь теряется счет времени.

Однако и в данных ландшафтах возможны восхождения к горным истинам, к самосовершенствованию, душевному и духовному просветлению. Так, каторжный ландшафт превращается в духовный, а вся Сибирь в сакральный для сосланных декабристов и их жен (см., например, «Записки декабриста А.Е. Розена, «Записки» Николая Васильевича Басаргина, «Записки» Михаила Александровича Бестужева, «Дневник» В.К. Кюхельбекера). Пребывание на каторге, в ссылке воспринимается ими как инициация, посвящение в великие таинства, которые постигаются на грани жизни и смерти. Но это, скорее, исключение из общего правила, которое можно сформулировать Дантовой формулой: «Оставь надежду, сюда входящий». Большинству оказавшихся в адском дне за завесой тяжелого труда, безверия, безграмотности, бескультурия, при отсутствии семейных опор, не удается

¹ См. также «Рассказы о сибирских золотых приисках» П.И. Небольсина [54].

увидеть онтологической целостности пространства, что и объясняет неустойчивость и нежизнеспособность рассматриваемых видов ландшафта.

Обратимся к третьему типу сибирских социокультурных ландшафтов – ассоциативных¹, отличающихся как раз высокой степенью устойчивости и жизнеспособности, несмотря на то, что расцвет их связан с прошлым, иногда очень далеким. Всеми авторами, описывающими подобные ландшафты, используется в качестве основного маркер памяти – об истоках жизни человека на данной территории, о материальных объектах древней культуры, древних торговых путях, важнейших событиях и личностях, архаических нравах².

Ассоциативные ландшафты чаще всего являются вмещенными в инородческие. Например, целую главу посвящает их описанию А. Адрианов в «Путешествии на Алтай и за Саяны». Такие ландшафты представлены повествователем как органичные сочетания нескольких видов естественно сформированных и рукотворных ландшафтов: скотоводческих пастбищ кочевых народов Алтая, речных долин, скатов гор и могильных насыпей, изваяний (баб), изображений и надписей на скалах и камнях. Маркерами этого ландшафта у Адрианова выступают разнообразие и обилие материальных объектов, являющихся знаком того, что территории были обитаемы людьми с древних времен, их сохранность на протяжении длительного времени (столетий) и отношение к ним людей, изначально населявших территорию и прибывавших туда с разными целями (главным образом это были переселенцы из Центральной России, но были и ученые, путешественники, занимавшиеся изучением этих ландшафтов).

Описывая могильные насыпи, особенно их скопления, повествователь живо представляет себе «стычки и междоусобицы, вызванные передвижением народов», «кровопролитные войны», происходившие на этой территории, «туземное население этих областей в древнее время и надвигавшуюся» на них «массу народности, истребившей или поглотившей первую» [56. С. 386]. Другие картины рисуют в воображении повествователя встреченные им на территории проживания сойотов отдельно стоящие среди степи изваяния из гранита, привезенные сюда издалека. Подробнейшим образом описан обнаруженный Адриановым в степи у подошвы горы Бичикту-Кая каменный Чингис-Хан («кожѣ-таш»). В восприятии повествователя «это настоящая статуя, сделанная рельефом как спереди, так и сзади и врытая в землю по пояс. Она изображает коренастого мужчину с строгим почти свирепым выражением лица, что художник изобразил в отделке глаз и рта с опущенными вниз усами... Плоское, широкое, шарообразное лицо с выдавшимися скулами напоминает монгольский тип <...>. Голова покрыта надвинутой на лоб

¹ Отметим, что в литературе XIX в. нам не встретилось ни одного описания рукотворного рекреационного или заповедного ландшафта – его функции выполняет природный естественно сформированный ландшафт, где повествователи и герои многих сочинений находят полное душевное и физическое отдохновение, испытывая ощущение покоя и гармонии.

² При этом в литературе нам не встретились описания рукотворных мемориальных ландшафтов, также как усадебных и дворцово-парковых: для одних еще не пришло время создания, для создания других в Сибири не было социальных оснований.

шапкой, из-под которой позади торчит конец толстой и короткой, заплетенной косы. Руки... кожѡ-таш держат спереди сосуд с широким круглым брюшком, вытянутым внизу и вверх в виде цилиндров <...>. На широком поясе сделаны поперечные глубокие борозды как спереди, так и сзади. <...>. Материал, из которого было сделано изваяние, – серый гранит» [56. С. 395].

Адрианов описывает множество других изваяний, баб, рунических наскальных рисунков и надписей. Рассматривая самые недоступные из них, повествователь пытается и не может представить себе и описать читателям, как «усердный летописец» забрался на такую высоту, почему пренебрег другими, более удобными для надписей нижними частями скалы, но в его воображении встает образ «летописца», заглядывающего в будущее, желающего сохранить «свои повествования» и опасющегося за сохранность своей работы. Для расшифровки рисунков и надписей повествователь обратился к местному старейшему сойоту, который, однако, не смог передать их содержание, объясняя это тем, что не понимает «картины», «слишком давно видел и теперь позабыл» [56. С. 407].

Особое внимание обращается на памятники, разрушающиеся от времени или разрушаемые золотопромышленниками, «сметающими» их «с лица земли как помеху при разработке приисков» [56. С. 382], переселенцами, русскими купцами, производящими варварские раскопки, с целью найти золотые и серебряные изделия в могильных насыпях, в развалинах древних сибирских городов. Акцент повествователем делается на том, что никакой системы изучения и сохранения этих памятников древнейших культур не существует, и что их сохранность обеспечивается исключительно сойотами, носителями культурной традиции, для которых они представляются святыней, «предметом поклонения»¹. Местные жители не любят о них рассказывать и тем более показывать дорогу к ним, поскольку для них это «живая память». Все памятники, в разной степени, ими одухотворяются, в их силу твердо верят на протяжении столетий. Формы «почитания народом» этих памятников разнообразны и семиотически очень содержательны: они обкладываются «балаганом из хвороста» (обо), внутри устанавливаются треножки с плитой, где происходит жертвоприношение, внутри обо развешиваются ленточки, перед входом в него на палке с 13 деревянными шпильями насаживаются деревянные фигурки животных, статуи выбелены, усы, брови, глаза изваяний вычернены, щеки и губы покрыты листовым золотом, на их головы надеваются шапочки, на туловище рубахи и т.д.

По преданию, бытующему среди местных жителей, эти места считаются «колыбелью народа». Всякий сойот расскажет, например, о Чингис-Хане как великом человеке, создавшем их народ, научившем их ремеслам, земледелию. «В таком отношении инородцев к историческим памятникам, – считает повествователь, – заключается прочная гарантия за их целость» [56. С. 382]. Его собственная позиция сводится к тому, что в этих памятниках сокрыта «богатая жатва» для науки, это – завещание предков, а главное – «разгадка о давно минувшем времени» [56. С. 383]. Подобные модели описания ассоциативных

¹ Такие ландшафты можно определить и как сакральные и реликтовые.

ландшафтов Сибири как пространства уникального взаимодействия природы, человека, культуры и истории, в которых характер освоения территории имеет вторичное значение, а первичное – связь с историческими событиями, личностями, ментальность и идентичность, находим в публикациях И.П. Шангина конца 1810-х гг. в «Сибирском вестнике» [57, 58], В.В. Радлова [59] и др.

Выводы

Таким образом, попытка систематизации отраженных в литературе XIX в. социокультурных ландшафтов Сибири путем создания типологии показывает, что, как правило, образы сибирских социокультурных ландшафтов формировались описанием природных объектов или природной среды в целом, истории, социокультурных (включая этнокультурные, духовные и языковые) практик населения, систем регулирования межкультурного взаимодействия, а также авторским «символическим кодированием» нарратива. Чаще всего они представляют собой сложные сочетания нескольких видов или типов ландшафта, совокупность которых определяет их индивидуальность. Каждый тип и вид, выделенный нами с учетом трансграничности социокультурного ландшафта Сибири в целом, образует свои сетки маркеров, благодаря чему ландшафты идентифицируются с разных позиций и предстают, с одной стороны, неповторимыми, своеобразными, единичными, а с другой – территориальной системой, состоящей из разных взаимосвязанных типов и видов ландшафта и обеспечивающей устойчивость и жизнеспособность сибирского региона.

Кроме того, рассмотренный материал позволяет, как нам представляется, выстраивать типологию сибирских социокультурных ландшафтов и на иных основаниях, соответственно, возможно построение иных типологий. выявление иных видов ландшафта и не названных нами маркеров. Так, например, показательно выделение ландшафтов по их географическому положению¹, отражающее в том числе центрированность (собственно, дискретность) сибирского культурного ландшафта². В частности, российскими

¹ При этом отметим, что из рассмотренных нами текстов около четверти описывают длительные путешествия по Сибири, воспринимаемой как *целостный* социокультурный ландшафт, специфика которого транслируется сравнением с Центральной Россией и во многом определяется идеей активной коррекции государственными институтами таких его характеристик, как многослойность и дискретность, «русским фактором»: российскими законами, государственным административно-территориальным делением, последовательной христианизацией сибирских инородцев, переселенческим движением из Центральной России в Сибирь, вместе с которым в регион внедрялись русские традиции, нравы и обычаи, русская культура. Идея целостности отражена уже в названиях публикаций, принадлежащих перу российских авторов и не отличающихся особым разнообразием: «Путешествие по Сибири», «Записки и замечания о Сибири», «Письма из Сибири», «Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири», «Заметки из Сибири» и т.д.

² В отличие от российского пространства, воспринимавшегося преимущественно как москвоцентричное, сибирский ландшафт представлялся в литературе XIX в. полицентричным и отнюдь не всегда градоцентричным. Заметим также, что в публикациях сибиряков практически отсутствуют термины «центр», «ближний», «дальний» по отношению

авторами (в том числе сибирскими), независимо от административного районирования, которое в Сибири на протяжении всего XIX в. находилось в стадии преобразований (менялись границы и статус той или иной территории, количество губерний, областей, их состав и т.д.), выделяются такие социокультурные ландшафты, которые условно можно назвать алтайским, енисейским, забайкальским, иркутским, якутским, тобольским, томским. Каждый из них привлекал к себе внимание авторов как самостоятельный, целостный, самобытный, что и транслировалось ими в их сочинениях¹.

Типология социокультурных ландшафтов возможна на основании авторской позиции, передаваемой в их отношении. В этом плане показательны уже многие заглавия публикаций: «Живописное путешествие», «В тайге и тундрах», «Страна изгнания», «По тюрьмам и этапам», «Ссылка и каторга в России», «Записки несчастного», «Заметки жителя того света», «В дальних краях», «На сибирском просторе», «Край будущего», «По пути к счастью», «В страну золота и печали», «В немшоновой стране». В этих заглавиях отражены практически все составляющие представления о Сибири, из которых в России XIX в. уже сложился миф о Сибири как стране ссылки и каторги,

к описываемой местности. Оппозиции *центр – периферия*, *ближнее – дальнее* были актуальны для путевой прозы авторов Центральной России. Отметим также, что систематизация внутренних сибирских социокультурных ландшафтов по критерию их площади не актуализировалась ни теми ни другими: все они, как и Сибирь в целом, воспринимались огромными, безграничными.

¹ В качестве примера приведем краткие характеристики некоторых из них, отметив, что это – большая тема для отдельного исследования. Так, Алтай представлен в публикации прежде всего «колыбелью человеческого рода, страной древнейших монархий и великого передвижения народов» [56. С. 149]. Большой интерес у писателей вызывал енисейский социокультурный ландшафт, в котором выделяются внутренние ландшафты: туруханский, красноярский, канский, ачинский, минусинский и др. Туруханский край представляется читателям как пространство с самыми суровыми условиями жизни, как место наказания государственных преступников и вместе с тем как земля сибирских «перволюдей», точнее, «первоплемён», как важнейший центр торговых отношений Сибири, источник золота для империи, что позволяет повествователю увидеть широкие перспективы развития территории (см., например, упомянутые выше путевые записки о Туруханском крае Н.А. Кострова, А.А. Мордвинова, С.Я. Елпатьевского и др.). Д.А. Клеменц в «Дневнике путешественника» создает минусинский ландшафт зарисовками своего общения с местными татарами, главным образом, по поводу их верований, роли шаманов и домашних идолов в противостоянии шайтанам, а также описанием природных памятников, в частности известных Красноярских пещер. Образ иркутского ландшафта создан в литературе XIX в. весьма многогранным, многослойным и вместе с тем, несмотря на постоянные административные трансформации Иркутской губернии, целостным. Давая панораму Восточной Сибири в своих «Очерках Сибири», Н.С. Щукин подчеркивает именно целостность иркутского ландшафта, по сути, отождествляя его с восточносибирским [39. С. 59]. Кроме того, иркутский природно-культурный ландшафт, как и тобольский и томский, представлен градоцентричным. Так, публикаций с описанием Иркутска в указателе «Русский травелог...» насчитывается более сотни, с описанием Тобольска – около 70, Томска – более 80, что позволяет выделить эту тему в отдельный предмет исследования.

изгнания, страданий, несчастья, смерти, а с другой стороны – кладовой природных богатств, земли обетованной, terra incognita для Центральной России¹.

Список источников

1. Региональные параметры имперской «географии власти»: (Сибирь и Дальний Восток) // Сибирская заимка. 19.05.2001. URL: <https://zaimka.ru/remnev-regional/>

2. Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX – начало XX в.) // Административное и государственно-правовое развитие Сибири XVII–XXI вв. Иркутск : ИГУ, 2003. С. 22–43.

¹ Например, в одном из ранних образцов путевой прозы о Сибири XIX в., «Отрывках из записок путешественника по Камчатке и Сибири» П.В. Добеля, последовательно даны «портреты» Камчатки, Якутской области, Иркутской, Тобольской и Томской губерний. Все эти местности представлены чуть ли не земным раем: повсюду «тучная зелень, луга, лесочки и множество озер», «пастбища столь богаты и обширны», якуты «добры и усердны», «гостеприимны, приветливы и веселы», их юрты просторны, «коровы, довольно рослые и красивые, дают много молока, которое якуты готовят различным образом» [60. № 3]. Землей обетованной представлен Иркутск с его окрестностями: «прекрасные леса», «вечнозеленые деревья», люди «самого низкого сословия... учтивы и гостеприимны», «прекрасные деревни, усадьбы, пожатые поля, копны сена, стоги хлеба, стада и проч.! <...> В сей прекрасной долине трудолюбие, мир и изобилие утвердили свое жилище» [60. № 5]. В заключении делается вывод о том, что, «самый холодный наблюдатель не может... не чувствовать важной пользы в раскрытии и удобрении естественного богатства сей земли, лежащего без употребления» [60. № 15]. В этом ряду – подобные «Отрывкам...» Добеля сочинения А.Е. Мартынова, П.А. Словцова, Е.А. Авдеевой, Л.А. Загоскина, В.П. Паршина, А. Павлова и др., в которых поднимаются вопросы почти риторического для авторов характера о роли Сибири в истории формирования Российской империи, политический, социально-экономический факторы снимаются идеей общего благоденствия в лоне богатейшей своими дарами природы. Вторую группу текстов о сибирском социокультурном ландшафте составляют сочинения, в описании которых, напротив, ключевую роль играют историко-политические, социально-экономические концепции (публикации П.И. Небольсина, воспоминания декабристов, очерки П.И. и В. Белоконских, А.А. Дриля, Н.В. Шелгунова, И. Мевеса, М.М. Сперанского, Н.Г. Гарина-Михайловского, П.А. Кропоткина, С.И. Турбина, К.М. Станюковича и др.). Здесь ставятся острейшие проблемы ссылки и каторги, переселенческого движения, управления огромной территорией, отставания Сибири, всех ее регионов, в экономическом и социальном развитии. Отдельный интерес в аспекте отражения авторской позиции представляют сочинения областников. Так, Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев ряд своих публикаций посвятили Алтаю. Анализируя путевую прозу об Алтае Потанина, Г.Г. Кравченко справедливо отмечает: «...и природа... Алтай, и населявшие край люди, которые сохранили во многом патриархальный уклад жизни, очаровали Потанина» [61. С. 44]. В отношении сочинений Ядринцева об Алтае Т.П. Шастина указывает, что «Горный Алтай воображается в очерках Н.М. Ядринцева... и лиминальным пространством, и пространством мифогенным – сказочно богатой и сказочно прекрасной страной, в пределах которой возможны самые неожиданные встречи и культурные смещения» [62. С. 81]. Кроме того, эти и другие ученые справедливо подчеркивают контекст областнической идеологии, в котором создавался образ Алтая как социокультурного ландшафта Потаниным и Ядринцевым. С этим связан акцент в их публикациях на политико-географической, социально-экономической, историко-политической тематике, рассматриваемой сквозь призму сепаратизма и регионализма. Данная типология также может стать предметом отдельного исследования.

3. *Сибирь* в имперской географии власти XIX – начала XX вв.: в поисках новых теоретических подходов // Сибирская заимка. 17.04.2013 (<https://zaimka.ru/remnev-siberia/>).
4. *Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историческая практика. М. : Кругъ, 2011. 560 с.
5. *Родигина Н.Н., Худяков В.Н.* «Воображая Сибирь»: А.В. Ремнёв о ментальном картографировании Сибири XIX в. // Вестник Омского университета. 2012. № 2 (64). С. 27–32.
6. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики. М. : Худож. лит., 1975. 502 с.
7. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.
8. *Лотман Ю.М.* История и типология русской культуры. СПб. : Искусство, 2002. 768 с.
9. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. Т. 1. Таллин : Александра, 1992. 479 с.
10. *Замятин Д.Н.* Культура и пространство: Моделирование географических образов. М. : Языки славянской культуры, 2006. 488 с.
11. *Замятин Д.Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб. : Алетейя, 2003. 331 с.
12. *Замятин Д.Н.* Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М. : Аграф, 2004. 512 с.
13. *Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И.* Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. М. : Институт Наследия, 2008. 759 с.
14. *Веденин Ю.А.* Очерки по географии искусства. М. ; СПб. : Дмитрий буланин, 1997. 224 с.
15. *Абаишев В.В.* Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2000. 404 с.
16. *Культурный ландшафт как объект наследия* / отв. ред. Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова. М. ; СПб. : : Дмитрий буланин, 2004. 620 с.
17. *Культурные ландшафты России и устойчивое развитие: Четвертый выпуск трудов семинара «Культурный ландшафт»* / под ред. Т.М. Красовской. М. : Геофак МГУ, 2009. 270 с.
18. *Лавренова О.А.* Пространства и смыслы: Семантика культурного ландшафта. М. : Институт Наследия, 2010. 330 с.
19. *Туровский Р.Ф.* Культурные ландшафты России. М. : Росийский НИИ природного и культурного наследия, 1998. 210 с.
20. *Калуцков В.Н.* Ландшафт в культурной географии. М. : Архитектура-С, 2008. 320 с.
21. *Кулешова М.Е.* Памяти двух десятилетий культурно-ландшафтных исследований // В фокусе наследия : сб. ст. М., 2017. С. 163–192.
22. *Кулешова М.Е., Стрелецкий В.Н.* Формирование и эволюция представлений о культурном ландшафте // В фокусе наследия : сб. ст. М., 2017. С. 313–329.
23. *Воробьева Е.А.* Культурный ландшафт как фактор бытийности культуры (на примере этнической картины мира Восточного Забайкалья : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Чита, 2007. 22 с.
24. *Скуднева М.В.* Культурный ландшафт исторического города Сибири : автореф. дис. ... канд. архитектуры. Новосибирск, 2005. 26 с.
25. *Культурные ландшафты городов Сибири: (Аксиология, история, практики).* Материалы X Всероссийского научного симпозиума «Проблемы культуры городов России». Москва ; Омск : Сиб. филиал Института Наследия, 2020. 444 с.
26. *Культурные ландшафты постсоветского города: особенности формирования и трансформации* : сб. науч. тр. / под ред. Д.А. Алисова, И.А. Селезневой. Москва ; Омск : Институт Наследия, 2021. 170 с.

27. Демешкина Т.А., Дутчак Е.Е. Социокоммуникативное пространство трансграничья: модель реконструкции культурно-языкового ландшафта Сибири // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 28–44.

28. *Пространства* и тексты: модель исследования социокультурного ландшафта Сибири / И.А. Айзикова, С.В. Волошина, В.С. Воробьева, И.Ф. Гнусова, Т.А. Демешкина, Е.Е. Дутчак, О.В. Зайцева, К.А. Конев, Д.Н. Шевелев. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2022. 280 с.

29. Мельникова С.В. Путевая проза сибирского православного духовенства XIX – начала XX в. как явление региональной словесности : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 2024. 43 с.

30. Мельникова С.В. Мемуары сибирского православного духовенства XIX – начала XX века: судьбы, тексты, стили. Иркутск : Иркут. обл. гос. универс. б-ка, 2023. 239 с.

31. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. 704 с.

32. *Русский* травелог XVIII – начала XX веков: аннотированный указатель / под ред. Т.И. Печерской ; сост. А.А. Богодерева, Н.А. Ермакова, А.Е. Козлов Н.В. Константинова, В.В. Мароши, Т.И. Печерская, А.А. Пономарева, О.С. Рощина О.А. Фарафонова. Новосибирск : Немо Пресс, 2018. 832 с.

33. *Руководство* по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия / пер. с англ. М. : Институт Наследия, 2023. 444 с. URL: <https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2023/05/rukovodstvo-po-vypolneniyu-konvenczii-ob-ohrane-vsemirnogo-naslediya.pdf>

34. Краснов П.Н. По Азии: (Путевые очерки: Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии и Индии). СПб. : Изд. при пособии Воен. м-ва, 1903. 616 с.

35. Носилов К.Д. Два дня в полярной тундре: (Из дневника путешествия по полуострову Ямалу) // Носилов К.Д. На Новой Земле: Очерки и наброски. СПб., 1903. С. 244–274.

36. Галкин-Враской М.Н. Поездка в Сибирь и на остров Сахалин в 1881–1882 гг.: (Из путевого дневника). СПб., 1901. 50 с.

37. Костров Н.А. Очерки Туруханского края // Записки Сибирского отделения Императорского Русского географического общества. 1857. № 4. С. 61–111, 115–175.

38. Скороговоров И. Описание Енисейской губернии (из дорожных записок о Восточной Сибири) // Записки Сибирского отделения Императорского Русского географического общества. 1865. Кн. 8, отд. 2. С. 1–76.

39. Щукин Н.С. Очерки Сибири // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений. 1847. Т. 69, № 273. С. 56–79.

40. Ушаров Н.В. На Байкале: (Из путевых записок по Восточной Сибири) // Морской сборник. 1865. Т. 78, № 6. С. 249–280.

41. Крузе. Путевые записки от Иркутска до Вилюйска в 1832 г. [пер. с нем. из «Dorpatser Jahrbucher», 1833] // Журнал Министерства народного просвещения. 1834. Ч. 11, № 1. С. 45–74.

42. Бакшевич Н.А. Описание реки Иркуты от Тунки до впадения в Ангару // Записки Сибирского отделения Императорского Русского географического общества. СПб., 1856. Отд. 1. С. 1–52.

43. Басов М.А. Путевые заметки по Алтаю // Томские губернские ведомости. 1869. № 4. 24 янв.

44. Айзикова И.А., Макарова Е.А. Тема переселения в Сибирь в литературе центра и сибирского региона России 1860–1890-х гг.: проблема диалога. Томск : Изд-во Том. ун-т, 2009. 263 с.

45. Абрамов Ив., Пекарский Эд. На краю Сибири: (Поездка к тунгусам) // Сибирские вопросы. 1908. № 49–52. С. 119–135.

46. Алексеев П.С. Как, бывало, езжали: (Воспоминания о проезде зимою из Москвы в Читу) // Русский вестник. 1899. Т. 263, № 10. С. 593–617.

47. Адрианов А.В. Сибирские негативы: (Из дорожных впечатлений) // Сибирские вопросы. СПб., 1908.
48. Алексеев П.С. По сибирским рекам: (Выдержки из путевого журнала) I. Плавание по Лене // Русский вестник. 1890. Т. 265, № 1. С. 225–248.
49. Айзикова И.А. Образ сибирского города в очерках Н.А. Кострова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 174–188.
50. Суровикин В.А. От Острогосжа до Тобольска: (Путевые впечатления: Из писем к Л.М. Савельеву). М., 1905. 32 с.
51. Авдеева Е.А. Записки и замечания о Сибири // Авдеева Е.А. Записки и замечания о Сибири. М., 1837. С. 1–91.
52. По Сибири: (От Братска до Иркутска Ангараю) // Сибирский сборник. 1901. № 1. С. 117–141. [Прил. газ. «Вост. Обозрение»].
53. Олекминская Калифорния: (Из путешествия на Олекминские прииски) // Литературный сборник. Собрание научных и литературных статей о Сибири и азиатском Востоке. СПб., 1885. С. 281–304.
54. Небольсин П.И. Рассказы о сибирских золотых приисках // Отечественные записки. 1847. Т. 52. № 6. С. 151–162; Т. 53. № 7. С. 14–32, № 8. С. 117–138; Т. 54. № 9. С. 21–41, № 10. С. 114–134; Т. 55. № 11. С. 1–21, № 21. С. 97–123; 1848. Т. 56. № 1. С. 1–36, № 2. С. 129–170.
55. Айзикова И.А. Ключевые концепты в сибирской литературе второй половины XIX – начала XX в.: к проблеме формирования культурного ландшафта региона // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 133–160.
56. Адрианов А. Путешествие на Алтай и за Саяны. СПб., 1886. 423 с.
57. Шангин И.П. Развалины Татагая. [Спасский Г.И. О древних развалинах в Сибири] // Сибирский вестник. 1818. Ч. 3. С. 85–94
58. Извлечение из описания экспедиции, бывшей в Киргизскую степь в 1816 г. // Сибирский вестник. 1820. Ч. 9, кн. 1. С. 1–40; Кн. 3. С. 71–88; Ч. 11, кн. 7. С. 89–112.
59. Радлов В.В. Сибирские древности: (Из путевых записок по Сибири). [пер. с нем. и предисл. гр. А.А. Бобринского]. СПб., 1896. 70 с.
60. Добель П.В. Отрывки из записок путешественника по Камчатке и Сибири // Сын отечества. 1816. URL: <https://www.yakutskhistory.net/>
61. Кравченко Г.Г. Г.Н. Потанин и Алтай: хроника и итоги пребывания // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 2 (14). С. 44–48.
62. Шастина Т.П. Горный Алтай в публицистике Н.М. Ядринцева // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 74–82.

References

1. Sibirskaya zaimka. (2001) *Regional'nye parametry imperskoy "geografii vlasti": (Sibir' i Dal'niy Vostok)* [Regional Parameters of the Imperial "Geography of Power": (Siberia and the Far East)]. 19.05.2001. [Online] Available from: <https://zaimka.ru/remnev-regional/>
2. Anon. (2003) *Geograficheskie, administrativnye i mental'nye granitsy Sibiri (XIX – nachalo XX v.)* [Geographical, Administrative, and Mental Borders of Siberia (19th – Early 20th Centuries)]. *Administrativnoe i gosudarstvenno-pravovoe razvitie Sibiri XVII–XXI vv.* [Administrative and State-Legal Development of Siberia in the 17th–21st Centuries]. Seminar Proceedings. Irkutsk: ISU. pp. 22–43. (In Russian).
3. Sibirskaya zaimka. (2013) *Sibir' v imperskoy geografii vlasti XIX – nachala XX vv.: v poiskakh novykh teoreticheskikh podkhodov* [Siberia in the Imperial Geography of Power in the 19th – Early 20th Centuries: In Search of New Theoretical Approaches]. 17.04.2013. [Online] Available from: <https://zaimka.ru/remnev-siberia/>
4. Repina, L.P. (2011) *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoricheskaya praktika* [Historical Science at the Turn of the 20th–21st Centuries: Social Theories and Historical Practice]. Moscow: Krug".

5. Rodigina, N.N. & Khudyakov, V.N. (2012) "Voobrazhaya Sibir": A.V. Remnev o mental'nom kartografirovanii Sibiri XIX v. ["Imagining Siberia": A.V. Remnev on the mental mapping of Siberia in the 19th century]. *Vestnik Omskogo universiteta*. 2 (64). pp. 27–32.
6. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki* [Issues of Literature and Esthetics]. Moscow: Khudozh. lit.
7. Bakhtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo.
8. Lotman, Yu.M. (2002) *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [History and Typology of Russian Culture]. St. Petersburg: Iskusstvo.
9. Lotman, Yu.M. (1992) *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. Vol. 1. Tallin: Aleksandra.
10. Zamyatin, D.N. (2006) *Kul'tura i prostranstvo: Modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and Space: Modeling Geographical Images]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
11. Zamyatin, D.N. (2003) *Gumanitarnaya geografiya: Prostranstvo i yazyk geograficheskikh obrazov* [Humanitarian Geography: Space and Language of Geographical Images]. St. Petersburg: Aleteyya.
12. Zamyatin, D.N. (2004) *Metageografiya: Prostranstvo obrazov i obrazy prostranstva* [Metageography: Space of Images and Images of Space]. Moscow: Agraf.
13. Zamyatin, D.N., Zamyatina, N.Yu. & Mitin, I.I. (2008) *Modelirovanie obrazov istoriko-kul'turnoy territorii: metodologicheskie i teoreticheskie podkhody* [Modeling Images of a Historical and Cultural Territory: Methodological and Theoretical Approaches]. Moscow: Heritage Institute.
14. Vedenin, Yu.A. (1997) *Ocherki po geografii iskusstva* [Essays on the Geography of Art]. Moscow; St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
15. Abashev, V.V. (2000) *Perm' kak tekst: Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka* [Perm as a Text: Perm in Russian Culture and Literature of the 20th Century]. Perm: Perm State University.
16. Vedenin, Yu.A. & Kuleshova, M.E. (eds) (2004) *Kul'turnyy landshaft kak ob'ekt naslediya* [Cultural Landscape as a Heritage Site]. Moscow; St. Petersburg: Dmitriy bulanin.
17. Krasovskaya, T.M. (ed.) (2009) *Kul'turnye landshafty Rossii i ustoychivoe razvitiye: Chetvertyy vypusk trudov seminara "Kul'turnyy landshaft"* [Cultural Landscapes of Russia and Sustainable Development: The Fourth Issue of the Seminar "Cultural Landscape"]. Moscow: Faculty of Geography, Moscow State University.
18. Lavrenova, O.A. (2010) *Prostranstva i smysly: Semantika kul'turnogo landshafta* [Spaces and Meanings: Semantics of the Cultural Landscape]. Moscow: Heritage Institute.
19. Turovskiy, R.F. (1998) *Kul'turnye landshafty Rossii* [Cultural Landscapes of Russia]. Moscow: Russian Research Institute of Natural and Cultural Heritage.
20. Kalutskov, V.N. (2008) *Landschaft v kul'turnoy geografii* [Landscape in Cultural Geography]. Moscow: Arkhitektura-S.
21. Kuleshova, M.E. (2017) Pamyati dvukh desyatiletiy kul'turno-landshaftnykh issledovaniy [In Memory of Two Decades of Cultural and Landscape Research]. In: *V fokuse naslediya: sb. st.* [In Focus of Heritage: Collection of Articles]. Moscow. pp. 163–192.
22. Kuleshova, M.E. & Streletskiy, V.N. (2017) Formirovanie i evolyutsiya predstavleniy o kul'turnom landshafte [Formation and Evolution of Ideas about the Cultural Landscape]. In: *V fokuse naslediya: sb. st.* [In Focus of Heritage: Collection of Articles]. Moscow. pp. 313–329.
23. Vorob'eva, E.A. (2007) *Kul'turnyy landschaft kak faktor bytiynosti kul'tury (na primere etnicheskoy kartiny mira Vostochnogo Zabaykal'ya)* [Cultural landscape as a factor of cultural existence (on the example of the ethnic picture of the world of Eastern Zabaykalye)]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Chita.
24. Skudneva, M.V. (2005) *Kul'turnyy landschaft istoricheskogo goroda Sibiri* [Cultural landscape of a Siberian historical city]. Abstract of Architecture Cand. Diss. Novosibirsk.

25. Siberian Branch of the Heritage Institute. (2020) *Kul'turnye landshafty gorodov Sibiri: (Aksiologiya, istoriya, praktiki). Materialy X Vserossiyskogo nauchnogo simpoziuma "Problemy kul'tury gorodov Rossii"* [Cultural landscapes of Siberian cities: (Axiology, history, practices). Proceedings of the X All-Russian scientific symposium "Problems of Culture of Russian Cities"]. Moscow; Omsk: Siberian Branch of the Heritage Institute.
26. Alisov, D.A. & Selezneva, I.A. (eds) (2021) *Kul'turnye landshafty postsovetskogo goroda: osobennosti formirovaniya i transformatsii: sb. nauch. tr.* [Cultural landscapes of a post-Soviet city: features of formation and transformation: collection of scientific papers]. Moscow; Omsk: Heritage Institute.
27. Demeshkina, T.A. & Dutchak, E.E. (2020) The Socio-Communicative Space of Transboundary Areas: A Reconstruction Model of the Cultural and Linguistic Landscape of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 28–44. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/67/2
28. Ayzikova, I.A. et al. (2022) *Prostranstva i teksty: model' issledovaniya sotsiokul'turnogo landshafta Sibiri* [Spaces and texts: a model for studying the sociocultural landscape of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
29. Mel'nikova, S.V. (2024) *Putevaya proza sibirskogo pravoslavnogo dukhovenstva XIX – nachala XX v. kak yavlenie regional'noy slovesnosti* [Travel Prose of the Siberian Orthodox Clergy of the 19th – Early 20th Centuries as a Phenomenon of Regional Literature]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.
30. Mel'nikova, S.V. (2023) *Memuary sibirskogo pravoslavnogo dukhovenstva XIX – nachala XX veka: sud'by, teksty, stili* [Memoirs of the Siberian Orthodox Clergy of the 19th – Early 20th Centuries: Fates, Texts, Styles]. Irkutsk: Irkut. obl. gos. univers. b-ka.
31. Lotman, Yu.M. (2000) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg.
32. Pecherskayay, T.I. (ed.) (2018) *Russkiy travelog XVIII – nachala XX vekov: annotirovannyi ukazatel'* [Russian Travelogue of the 18th – Early 20th Centuries: Annotated Index]. Novosibirsk: Nemo Press.
33. Heritage Institute. (2023) *Rukovodstvo po vypolneniyu Konventsii ob okhrane vsemirnogo naslediya* [Guidelines for the implementation of the World Heritage Convention]. Translated from English. Moscow: Heritage Institute. [Online] Available from: <https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2023/05/rukovodstvo-po-vypolneniyu-konvenczii-ob-okhrane-vsemirnogo-naslediya.pdf>
34. Krasnov, P.N. (1903) *Po Azii: (Putevye ocherki: Man'chzhurii, Dal'nego Vostoka, Kitaya, Yaponii i Indii)* [Across Asia: (Travel essays: Manchuria, the Far East, China, Japan and India)]. St. Petersburg: Izd. pri posobii Voen. m-va.
35. Nosilov, K.D. (1903) *Dva dnya v polyarnoy tundre: (Iz dnevnika puteshestviya po poluostrovu Yamalu)* [Two days in the polar tundra: (From a travel diary on the Yamal Peninsula)]. In: Nosilov, K.D. *Na Novoy Zemle: Ocherki i nabroski* [On Novaya Zemlya: Essays and sketches]. St. Petersburg. pp. 244–274.
36. Galkin-Vraskoy, M.N. (1901) *Poezdka v Sibir' i na ostrov Sakhalin v 1881–1882 gg.: (Iz putevogo dnevnika)* [Trip to Siberia and Sakhalin Island in 1881–1882: (From a travel diary)]. St. Petersburg.
37. Kostrov, N.A. (1857) *Ocherki Turukhanskogo kraja* [Essays on the Turukhansk region]. *Zapiski Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 4. pp. 61–111, 115–175.
38. Skorogovorov, I. (1865) *Opisanie Eniseyskoy gubernii (iz dorozhnykh zapisok o Vostochnoy Sibiri)* [Description of the Yenisei province (from travel notes about Eastern Siberia)]. *Zapiski Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 8 (2). pp. 1–76.
39. Shchukin, N.S. (1847) *Ocherki Sibiri* [Essays on Siberia]. *Zhurnal dlya chteniya vospitannikam voenno-uchebnykh zavedeniy*. 69 (273). pp. 56–79.

40. Usharov, N.V. (1865) Na Baykale: (Iz putevykh zapisok po Vostochnoy Sibiri) [On Baikal: (From travel notes on Eastern Siberia)]. *Morskoy sbornik*. 78 (6). pp. 249–280.
41. Kruse. (1834) Putevye zapiski ot Irkutsk do Vilyuyska v 1832 g. [Travel notes from Irkutsk to Vilyuisk in 1832]. Translated from German. Source: “Dorpat Jahrbucher”, 1833. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 11 (1). pp. 45–74.
42. Bakshevich, N.A. (1856) Opisanie reki Irkuta ot Tunki do vpadeniya v Angaru [Description of the Irkut River from the Tunka to its Confluence with the Angara]. *Zapiski Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1. pp. 1–52.
43. Basov, M.A. (1869) Putevye zametki po Altayu [Travel Notes on Altai]. *Tomskie gubernskie vedomosti*. 4. 24 Jan.
44. Ayzikova, I.A. & Makarova, E.A. (2009) *Tema pereseleniya v Sibir' v literature tsentra i sibirskogo regiona Rossii 1860–1890-kh gg.: problema dialoga* [The Theme of Migration to Siberia in the Literature of the Center and Siberian Region of Russia in the 1860s–1890s: The Problem of Dialogue]. Tomsk: Tomsk State University.
45. Abramov, I. & Pekarskiy, Ed. (1908) Na krayu Sibiri: (Poezdka k tungusam) [On the Edge of Siberia: (A Trip to the Tungus)]. *Sibirskie voprosy*. 49–52. pp. 119–135.
46. Alekseev, P.S. (1899) Kak, byvalo, ezzhali: (Vospominaniya o proезде zimoyu iz Moskvy v Chitu) [How They Used to Travel: (Memories of a Winter Journey from Moscow to Chita)]. *Russkiy vestnik*. 263 (10). pp. 593–617.
47. Adrianov, A.V. (1908) Sibirskie negativy: (Iz dorozhnykh vpechatleniy) [Siberian Negatives: (From Travel Impressions)]. *Sibirskie voprosy*. St. Petersburg.
48. Alekseev, P.S. (1890) Po sibirskim rekam: (Vyderzhki iz putevogo zhurnala) I. Plavanie po Lene [Along Siberian Rivers: (Excerpts from a Travel Journal) I. Sailing along the Lena]. *Russkiy vestnik*. 265 (1). pp. 225–248.
49. Ayzikova, I.A. (2020) The Image of a Siberian City in Nikolay Kostrov's Essays. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 174–188. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/67/9
50. Surovikin, V.A. (1905) *Ot Ostrogozhsk do Tobol'ska: (Putevye vpechatleniya: Iz pisem k L.M. Savel'evu)* [From Ostrogozhsk to Tobolsk: (Travel Impressions: From Letters to L.M. Savelyev)]. Moscow.
51. Avdeeva, E.A. (1837) Zapiski i zamechaniya o Sibiri [Notes and Remarks on Siberia]. In: Avdeeva, E.A. *Zapiski i zamechaniya o Sibiri* [Notes and Remarks on Siberia]. Moscow. pp. 1–91.
52. *Sibirskiy sbornik*. (1901) Po Sibiri: (Ot Bratska do Irkutsk Angaroyu) [Across Siberia: (From Bratsk to Irkutsk along the Angara)]. 1. pp. 117–141. [Supplement to the Vostochnoe Obozrenie newspaper].
53. N. G-v. Olekminskaya Kaliforniya: (Iz puteshestviya na Olekminskie priiski) [Olekminsk California: (From a trip to the Olekminsky gold mines)]. In: Yadrintsev, N.M. (ed.) *Literaturnyy sbornik. Sobranie nauchnykh i literaturnykh statey o Sibiri i aziatskom Vostoke* [Literary collection. Collection of scientific and literary articles about Siberia and the Asian East]. St. Petersburg: Tip. I. N. Skorokhodova. pp. 281–304.
54. Nebol'sin, P.I. (1847–1848) Rasskazy o sibirskikh zolotykh priiskakh [Stories about Siberian gold mines]. *Otechestvennyye zapiski*. 1847: Vol. 52 (6). pp. 151–162; Vol. 53 (7). pp. 14–32, (8). pp. 117–138; Vol. 54 (9). pp. 21–41, (10). pp. 114–134; Vol. 55 (11). pp. 1–21, (21). pp. 97–123; 1848: Vol. 56 (1). pp. 1–36, (2). pp. 129–170.
55. Ayzikova, I.A. (2023) Key concepts in Siberian literature of the second half of the 19th – early 20th centuries: On the problem of the region's cultural landscape formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 85. pp. 133–160. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/85/7
56. Adrianov, A. (1886) *Puteshestvie na Altay i za Sayany* [Journey to Altai and beyond the Sayan Mountains]. St. Petersburg.

57. Shangin, I.P. (1818) Razvaliny Tatagaya. [Spasskiy, G.I. O drevnikh razvalinakh v Sibiri] [Ruins of Tatagay. [Spassky G.I. On ancient ruins in Siberia]]. *Sibirskiy vestnik*. 3. pp. 85–94.

58. *Sibirskiy vestnik*. (1820) Izvlechenie iz opisaniya ekspeditsii, byvshey v Kirgizskuyu step' v 1816 g. [Extract from the description of the expeditions that took place in the Kirghiz steppe in 1816.]. 9 (1). pp. 1–40; (3). pp. 71–88; 11 (7). pp. 89–112.

59. Radlov, V.V. (1896) *Sibirskie drevnosti: (Iz putevykh zapisok po Sibiri)* [Siberian antiquities: (From travel notes on Siberia)]. Translated from German by Count A.A. Bobrinsky. St. Petersburg.

60. Dobel', P.V. (1816) Otryvki iz zapisok puteshestvennika po Kamchatke i Sibiri [Excerpts from the notes of a traveler in Kamchatka and Siberia]. *Syn otechestva*. [Online] Available from: <https://www.yakutskhistory.net/>

61. Kravchenko, G.G. (2011) G.N. Potanin and Altai: Chronicle and Results of the Stay. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 2 (14). pp. 44–48.

62. Shastina, T.P. (2013) Gornyy Altay v publitsistike N.M. Yadrintseva [Gorny Altai in the journalism of N.M. Yadrintsev]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 4. pp. 74–82.

Информация об авторе:

Айзикова И.А. – д-р филол. наук, заведующий кафедрой общего литературоведения, издательского дела и редактирования филологического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: wand2004@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Ayzikova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of General Literature Studies, Publishing and Editing, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: wand2004@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.03.2024;
одобрена после рецензирования 30.08.2024; принята к публикации 30.09.2024.*

*The article was submitted 06.03.2024;
approved after reviewing 30.08.2024; accepted for publication 30.09.2024.*